

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Образный потенциал названий погодных явлений в русском и
французском языках

Исполнитель Корнеев Кирилл Игоревич

Руководитель кандидат филологических наук

Ольга Георгиевна Розова

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

Кипнес Людмила Владимировна

«15» января 2025 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Образный потенциал в языкознании	6
1.1. Понятия образного потенциала и метеонима в лингвистике.....	6
1.2. Анализ исследований в области образного потенциала названий погодных явлений	9
Выводы	22
Глава 2. Сравнительный анализ образного потенциала названий погодных явлений в русском и французском языках.....	25
2.1. Семантический анализ названий погодных явлений.....	25
2.2 Культурные и образные ассоциации в названиях погодных явлений.....	36
Выводы	43
Заключение	46
Список литературы	51

ВВЕДЕНИЕ

Исследование затрагивает вопрос взаимосвязи языка и культуры, что относится к сфере лингвокультурологии [Маслова, 2001: 35]. Важность этого направления подтверждается многочисленными трудами известных авторов, среди которых можно отметить Н.Ф. Алефиренко, В.Г. Верещагина, В.В. Воробьева, В.Г. Гака, Е.М. Костомарова, В.А. Маслову, В.Н. Телия, З.Д. Попову, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова и других.

Актуальность работы заключается в растущем интересе лингвистического сообщества к изучению взаимосвязи между языком, культурой и познанием. Образный потенциал названий погодных явлений в русском и французском языках дает ценное представление о том, как различные языковые системы осмысляют и представляют природные явления, отражая как универсальные, так и культурно-специфические перспективы. Эта область исследования особенно важна, поскольку она объединяет несколько дисциплин, включая семантику, когнитивную лингвистику и этнолингвистику, и соответствует более широкой цели понимания роли языка в формировании и передаче культурных знаний.

Выбранная тема также затрагивает малоисследованную область сравнительного языкознания. В то время как метафорические и символические репрезентации природы широко изучаются в отдельных языках, сопоставительный анализ лексики, связанной с погодой, в русском и французском языках остается ограниченным. Этот пробел в исследованиях подчеркивает необходимость систематического изучения того, как две разные языковые и культурные традиции кодируют свое восприятие погодных явлений, выявляя более глубокие связи между языком, мышлением и окружающей средой.

Данное исследование отражает более широкие научные дискуссии о взаимодействии языка и культуры. Оно согласуется с дискуссиями об универсальности и специфичности языковых образов, способствуя пониманию того, как общие человеческие переживания, такие как наблюдение за погодой,

по-разному оформляются в лингвистическом плане в разных культурах. Таким образом, исследование развивает теоретические взгляды на динамические отношения между языком, познанием и культурным самовыражением.

Цель данного исследования - проанализировать образный потенциал названий погодных явлений в русском и французском языках, сопоставив их семантические и культурные особенности, и выявить лингвистические и когнитивные закономерности, отражающие культурные различия и сходства в концептуализации погоды.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- провести обзор теоретической литературы по семантике, образности и культурным аспектам языка, связанного с погодой.

- Составить и проанализировать корпус названий погодных явлений в русском и французском языках, уделяя особое внимание метафорическим, символическим и описательным элементам.

- Выявить и сравнить лингвистические модели, иллюстрирующие культурные и когнитивные различия в восприятии погодных явлений.

- Исследовать роль образов, связанных с погодой, в отражении более широких культурных ценностей и мировоззрения в обоих языках.

При написании работы были использованы такие **методы исследования**, как анализ научно-методической литературы по теме исследования, сопоставление названий погодных явлений русского и французского языков.

Материалом исследования послужили лексемы русского и французского языков, которые имеют значение, связанное с погодными явлениями.

Объектом данного исследования является языковая представленность погодных явлений в русском и французском языках.

Предметом исследования являются образный потенциал, семантические особенности и культурные коннотации названий погодных явлений в языковых системах русского и французского языков.

Практическая значимость исследования заключается в возможности его применения при разработке учебных материалов, способствующих

межъязыковому пониманию лексики, связанной с погодой, в русском и французском языках.

Теоретическая значимость работы заключается в ее вкладе в сопоставительную лингвистику путем выявления сходств и различий в семантических и культурных особенностях выражений, связанных с погодой, в русском и французском языках.

Научная новизна работы заключается в сопоставительном анализе лексических единиц, связанных с погодой, в русском и французском языках, раскрывающем их образный потенциал как уникальное отражение лингвокультурного мировосприятия.

Структура исследования обусловлена постановкой целей и задач. Первая и вторая глава включают в себя по два параграфа, а также выводы по каждой главе. В заключении подводятся итоги исследования. Библиография содержит список литературы и источников.

Глава 1. Образный потенциал в языкознание

1.1. Понятия образного потенциала и метеонима в лингвистике

Изучение метеорологических явлений через призму лингвистического анализа дает уникальную возможность понять взаимосвязь между языком, познанием и культурой. Метеорологические термины — это не просто функциональные элементы языка, служащие для описания погодных условий, но и важнейшие компоненты языковой репрезентации мира. Погодные явления, будучи вездесущими и неотъемлемой частью повседневной жизни, часто глубоко укоренены в культурном, психологическом и социальном контекстах, которые, в свою очередь, определяют их языковое выражение. Следовательно, анализ понятийного аппарата, стоящего за названиями погодных явлений, позволяет выявить культурные ценности, которые определяют, как носители разных языков классифицируют и интерпретируют мир природы.

«Метеонимы – это лексемы, которые обозначают изменения погоды и её явлений: осадки, влажность, температура, облачность, давление, ветер и др.» [Фёдорова, 2011].

Изучение понятийного аппарата метеонимов позволяет получить ценное представление о более широких процессах категоризации и формирования значений в каждом языке. Понимание того, как термины, связанные с погодой, формируются в лексиконе, позволяет глубже понять когнитивные механизмы, лежащие в основе использования языка, особенно в том, как абстрактные понятия отображаются на языковые структуры.

Под образным потенциалом мы понимаем возможность языковых единиц создавать и передавать образы и ассоциации, основанные на культурных и исторических контекстах.

Под образностью в лингвистике подразумевают наличие ярких, конкретных представлений, визуальной или образной выразительности при обозначении предмета или явления с помощью языковой единицы. В основе образности лежат не только понятия или концептуализации, но и мысленные

представления, позволяющие вообразить себе, объект через ассоциации с другими явлениями реального мира. Этот процесс создает усиленное впечатление от объекта, тем самым усиливая эвокативное качество языковой единицы [Матвеева, 2010].

Это определение эффективно, поскольку оно охватывает как структурные, так и функциональные аспекты образности в языке. Структурно оно признает роль языковых единиц в формировании ассоциативных представлений. В функциональном плане оно подчеркивает, как такие репрезентации служат для углубления эмоциональной или концептуальной связи между говорящим, языковым выражением и аудиторией. Кроме того, оно подчеркивает взаимодействие между языковыми формами и человеческим познанием, обеспечивая основу для понимания взаимодействия между языком и восприятием в процессах смыслообразования.

Под самой эвокативностью понимается способность языковых знаков порождать многозначные и полифоничные значения, что делает их особенно выразительными в коммуникации. [Беданкова, 2015]. Она функционирует как механизм, который активизирует когнитивные процессы, позволяя читателю или слушателю воспринимать текст не только на уровне буквального смысла, но и через призму личного опыта и культурных ассоциаций [Беданкова, 2016].

Сам эвокативный процесс включает в себя:

Репрезентацию концептов — это процесс, в ходе которого объекты или явления преобразуются в текст или дискурс, что позволяет передать информацию в более богатой и многогранной форме.

Интерпретацию — это способ, которым адресаты воспринимают информацию через призму своих знаний и эмоций, что может привести к различным реакциям - от простого чтения до активного вовлечения и обсуждения темы.

Исследование метеонимов в русском и французском языках позволяет провести их лингвистическое сравнение, выявив потенциальные различия и сходства в том, как два языка кодируют метеорологические понятия.

Сопоставительный анализ понятийного аппарата в этих языках необходим для выявления универсальных и специфических для каждого языка особенностей репрезентации погодных явлений. Такая сопоставительная перспектива крайне важна для понимания того, как языки расходятся и сходятся в своем отношении к природным явлениям, что дает более широкое представление о том, как язык отражает культурные особенности разных народов.

Концептуальная основа анализа образного потенциала погодных явлений требует системного определения терминов и их лингвистических свойств. Как в русской, так и во французской лингвистических традициях погодные явления занимают значительное место в лексике, выступая не только как описатели природных явлений, но и как носители метафорических и культурных значений. В данном разделе рассматривается первичная терминологическая база и общая характеристика лексических единиц, связанных с погодой, в двух языках.

Погодные явления можно определить как естественные атмосферные явления, которые можно наблюдать и описывать с помощью языка. К ним относятся термины, обозначающие осадки, такие как дождь и снег, атмосферные условия, такие как ветер и туман, и небесные явления, такие как буря и молния. В лингвистике такие термины функционируют на двух уровнях: номинативном, когда термин непосредственно называет явление, и коннотативном или образном, когда термин передает метафорические, эмоциональные или культурные ассоциации.

Анализ терминов, связанных с погодой, в русском и французском языках подчеркивает их двойную роль в качестве описательных и образных элементов языка. Общие и уникальные характеристики этих терминов закладывают основу для изучения их образного потенциала в последующих разделах данного исследования. Создав четкую концептуальную основу, данное исследование способствует более глубокому пониманию того, как языковые системы кодируют природные явления.

1.2. Анализ исследований в области образного потенциала названий погодных явлений

Всестороннее понимание образного потенциала терминологии, связанной с погодой, требует глубокого анализа предшествующих исследований в этой области. Знакомство с этими работами имеет решающее значение для определения места настоящего исследования в более широком научном контексте, поскольку позволяет выявить сложившиеся модели, теоретические основы и методологические подходы. Кроме того, такой обзор позволяет выявить пробелы в существующих исследованиях, что дает возможность рассмотреть неизученные аспекты и внести свой вклад в текущий дискурс.

Работа К.Л. Фёдоровой проливает свет на контрастные культурные представления о погодных явлениях в русском и английском языках. Исследование показывает, что русские идиомы с компонентом «лед» часто несут негативную коннотацию, в то время как английские выражения с компонентом «гром» в целом нейтральны. Такое расхождение отражает различия в культурных установках и влиянии окружающей среды, формирующих эти языки [Фёдорова, 2012]. Рассматривая эти языковые различия, исследование Федоровой закладывает важную основу для понимания культурных и климатических контекстов, лежащих в основе фразеологических единиц.

В то же время в исследовании лишь частично рассматривается образность, заложенная в названиях метеорологических явлений. Несмотря на то, что оно удачно подчеркивает языковые тенденции, обусловленные культурными и экологическими факторами, оно оставляет значительный пробел для дальнейшего изучения. В частности, более глубокие метафорические и символические значения метеоронимов в идиоматических выражениях остаются практически неизученными.

В смежном исследовании К.Л. Федоровой рассматриваются семантические категории метеорологических фразеологизмов в русском языке. Автор классифицирует эти выражения на обозначающие отдельных людей или группы людей, неодушевленные предметы и абстрактные понятия [Фёдорова,

2013]. Такой подход подчеркивает семантическую сложность подобных единиц в русском языке. Однако исследование остается ограниченным по своему охвату, так как оно сосредоточено в основном на классификации метеонимов и недостаточно изучает возможности образной интерпретации метеорологических терминов в составе фразеологических единиц.

Также изучение метеорологической фразеологии представлено в другом исследовании К.Л. Федоровой. Данное исследование подчеркивает влияние климата на формирование фразеологических единиц. В русском языке значительно чаще чем в английском языке встречаются выражения со словом «снег», что отражает суровые климатические условия страны. И наоборот, в английском языке акцент на «ветре» соответствует более умеренным погодным условиям [Фёдорова, 2011].

Такое климатическое влияние на языковые репрезентации дает возможность понять, как природная среда формирует идиоматическое употребление. Однако исследование выиграло бы от более полного изучения того, как конкретные культурные контексты влияют на образный потенциал этих метеоронимов. Изучение таких нюансов могло бы углубить наше понимание взаимодействия между окружающей средой, культурой и языком.

К.Л. Федорова в своей статье о семантических характеристиках процессуальных фразеологических единиц с метеонимами в русском языке дает классификацию таких выражений на основе видов деятельности, состояний и отношений. Ее подробный семантический анализ показывает, как такие термины, как «гром» и «вода», используются для передачи различных эмоциональных и социальных состояний. Исследуя нюансные способы, которыми эти термины встроены в идиоматические выражения, Федорова демонстрирует их универсальность в отражении человеческого опыта [Фёдорова, 2013].

Дополнительный взгляд на проблему предлагают В.П. Васильев и Е.В. Васильева в своем исследовании. Оно посвящено метафорическим выражениям, связанным с дождем, в сибирских и дальневосточных диалектах.

Авторы показывают, как эти диалекты обогащают языковую картину мира с помощью уникальных метафор, ассоциируя дождь с живыми существами, дикими животными и другими природными явлениями. Акцентируя внимание на культурно-когнитивных моделях, исследование раскрывает дополнительный образный потенциал диалектной речи [Васильев, Васильева, 2012].

Ориентируясь на культурно и когнитивно обоснованные модели, данное исследование раскрывает образный потенциал, заложенный в диалектной речи. Однако оно не позволяет провести сравнительный анализ между стандартным и диалектным использованием языка. Такой анализ позволил бы глубже осветить взаимодействие между стандартизацией и региональным языковым творчеством в изображении погодных явлений.

Культурная значимость метеонимической лексики рассматривается далее в учебном пособии авторов Г.М. Васильевой, М.В. Виноградовой и К. Чжан. Словарь предназначен для китайских студентов, изучающих русский язык, и акцентирует внимание на культурно-маркированных аспектах терминов, связанных с атмосферой и погодой. Авторы выделяют метафорические и культурные ассоциации, заложенные в этих терминах и отражающие более широкие культурные рамки российского общества. Рассматривая концептуальный и метафорический потенциал метеонимов, эта работа закладывает основу для понимания того, как погодные явления воплощают в себе культурные коды [Васильева, Виноградова, Чжан, 2020]. Ориентация пособия на изучающих русский язык ограничивает ее более широкую применимость к теоретическим лингвистическим исследованиям.

Сравнительный подход к метеонимической лексике рассматривается в работе О.Г. Ванкевича. Исследование предлагает глубокий анализ русской и белорусской лексики, подчеркивая культурную и эмоциональную значимость терминов, связанных с погодой. Работа показывает, как два близкородственных языка используют естественные образы для выражения человеческих эмоций и переживаний, отражая общие исторические и культурные предпосылки. Этот фокус подчеркивает сложные связи между языком, культурой и природой, давая

представление о том, как погодные явления формируют языковые представления во взаимосвязанных культурах [Ванкевич, 2024].

В то же время близость двух языков предлагает уникальную возможность для изучения тонких различий в метафорическом и символическом использовании метеонимов. Хотя сходства позволяют проводить подробный сравнительный анализ, исследование предполагает более широкие последствия для лингвистических исследований. Несмотря на свои достоинства, работа оставляет достаточно места для будущих исследований, особенно в изучении образного и символического потенциала метеонимов в несвязанных языковых и культурных контекстах. Этот пробел подчеркивает необходимость расширения сравнительных рамок для охвата различных языковых семей и культурных традиций.

Учебное пособие за авторством Т. А. Барановской, М.Б. Антоновой, А.В. Захаровой, С.И. Ли представляет междисциплинарный взгляд на фразеологические единицы. Они рассматривают метеонимы наряду с зоонимическими компонентами и цветовыми обозначениями, предлагая комплексный подход к пониманию метафорического языка. Сравнивая русский, английский и китайский языки, авторы выявляют отчетливые культурные различия и общие универсальные черты. В исследовании подчеркивается, как каждый язык включает экологические и культурные факторы в свои языковые представления, при этом природные явления служат ключевыми метафорами для эмоций и идей [Барановская, Антонова и др. 2023].

Кроме того, учебник углубляется в символические и эмоциональные контексты, сформированные климатом и природным окружением в каждой культуре. Авторы подчеркивают, как метафорические интерпретации погодных явлений отражают жизненный опыт различных сообществ, иллюстрируя взаимодействие природы и языкового творчества. Этот подход проливает свет на то, как лингвистические метафоры выходят за рамки отдельных языков, предлагая универсальные идеи.

В своей монографии, анализирующей природные явления в русской литературе с 1941 по 1945 год, В.М. Шаклеин, М.А. Карелова и С.С. Микова рассматривают культурное значение образов погоды во время войны. Их исследование подчеркивает метафорические значения, приписываемые таким элементам, как дождь, снег и штормы, которые служат мощными инструментами для передачи коллективных эмоций и переживаний. Показано, что эти погодные явления действуют как символы стойкости, трудностей и надежды, обеспечивая яркий эмоциональный фон для текстов той эпохи. Авторы подчеркивают, как литературное использование метеорологических образов не только отражает условия окружающей среды, но и фиксирует психологические и культурные последствия войны [Шаклеин, Карелова, Микова, 2019].

Однако анализ монографии ограничен конкретным историческим контекстом военной России, оставляя другие периоды в значительной степени неисследованными. Работа поднимает вопросы о том, как связанные с погодой образы могут функционировать в других исторических или культурных контекстах. Расширение сферы исследования может выявить альтернативные символические роли метеорологических элементов в литературе, демонстрируя их универсальность как инструментов для выражения различных культурных повествований.

Работа О.А. Быковской о русских и английских идиоматических выражениях, отсылающих к природным явлениям, представляет собой сравнительный анализ таких терминов, как «дождь», «ветер» и «гром». Ее исследование углубляется в семантическую связность и метафорическую природу этих выражений, проливая свет на их способность инкапсулировать более широкие культурные и эмоциональные ассоциации в языке. Автор подчеркивает богатое взаимодействие между лингвистическим творчеством и природными образами, демонстрируя, как идиоматические выражения служат культурными артефактами, которые отражают общий человеческий опыт и наблюдения за окружающей средой [Быковская, 2004].

Исследование ограничивается идиоматическим использованием, оставляя неисследованным независимый символический потенциал метеорологических терминов за пределами сферы фразеологических конструкций. Этот более узкий фокус упускает из виду, как отдельные термины, такие как «дождь» или «снег», могут вызывать различные культурные образы в различных языковых традициях. Расширение анализа для рассмотрения этих автономных элементов может еще больше улучшить наше понимание их символического резонанса и углубить понимание универсальных и культурно-специфических способов интеграции погодных явлений в человеческое выражение.

Концепция росы, изученная В.П. Васильевым в работе, дает подробный отчет о культурном значении этого конкретного природного явления в российских аграрных контекстах. Роса изображается не просто как физическое явление, но и как важнейший элемент сельской космологии, тесно переплетенный с сельскохозяйственными практиками и духовными верованиями. Исследование ученого подчеркивает, как определенные метеорологические элементы приобретают сложные культурные значения, выступая маркерами как практической, так и символической ценности в традиционных сообществах [Васильев, 2011].

Тем не менее, сфера исследования ограничена этим единичным явлением, оставляя более широкий символический потенциал других элементов, связанных с погодой, в значительной степени неизученным. Расширение этой работы для охвата дополнительных метеорологических характеристик, таких как ветер, дождь или мороз, может предложить более полное понимание того, как природные явления формируют культурные нарративы. Такое расширение может выявить параллели и контрасты в том, как разные культуры наделяют погодные элементы смыслом, обогащая дискурс о культурной семиотике природы.

Н.И. Коновалова в своем учебном пособии изучает лингвистическое и культурное значение календарных терминов в народном календаре, которые часто включают ссылки на природные явления. Эти названия инкапсулируют

жизненно важные культурные знания, отражая сезонные изменения, ритуалы и аграрные циклы. Хотя эта перспектива ценна для понимания прагматических и культурных измерений метеорологических ссылок, исследование не рассматривает в полной мере метафорический или символический потенциал отдельных погодных явлений. Более широкий фокус на их образных и культурных импликациях может пролить свет на их роль как маркеров более глубоких культурных повествований. Изучая образные измерения этих элементов, будущие исследования могут раскрыть, как они служат мостами между осязаемым и символическим в человеческом мышлении и языке [Коновалова, 2016].

Исследование Е.Л. Березович рассматривает редкие и аномальные метеорологические явления, такие как «грибной дождь», подчеркивая их уникальные культурные интерпретации и метафорическое значение. Е.Л. Березович подчеркивает, как эти явления связаны с редкостью и «инаковостью», подчеркивая их повышенную символическую значимость. Этот фокус проливает свет на то, как лингвистические представления редких погодных явлений отражают общественное восприятие необычного и незнакомого [Березович, 2008].

Несмотря на новаторский подход к необычным явлениям, исследование не распространяет свой анализ на более распространенные погодные условия, которые также несут в себе богатые культурные коннотации и метафорический потенциал. Изучение общих элементов, таких как дождь или снег, может расширить сферу этого исследования, показав, как повседневные погодные явления приобретают многослойные значения в разных культурах. Такой подход мог бы сбалансировать акцент на исключительном с оценкой символической глубины обычного.

Однако, исследование по-прежнему ограничивается ролью метеонимов во фразеологических структурах, оставляя их самостоятельный символический и культурный потенциал недостаточно изученным. Изучение этих терминов за пределами идиоматических контекстов может раскрыть дополнительные

измерения их значимости, предлагая понимание их более широкой роли в культурных и языковых традициях. Расширение этого направления исследования может также раскрыть, как метеонимы функционируют как независимые символы, обогащая наше понимание их вклада в язык и культуру.

Также для получения наиболее полной картины необходимо обратиться к источникам на французском языке. Диссертация К. Пайкин [Пайкин, 2003] посвящена изучению семантико-синтаксического поведения метеорологических существительных и глаголов во французском языке. Исследование основано на лингвистически строгом подходе и призвано продемонстрировать уникальный статус метеорологических терминов, которые занимают особое положение в языковой системе французского языка.

Автор начинает с исследования общей природы метеорологических явлений, которые определяются как нециклические природные явления, происходящие в атмосфере. Эти явления воспринимаются как безагентные, неподвластные человеку и не имеющие видимой причины. Важно отметить, что метеорологические выражения колеблются между номинативными и глагольными формами в зависимости от языка. Например, во французском языке различают *il neige* (глагол) и *la neige tombe* (существительное + глагол), в то время как в русском языке используются выражения типа «снег идет». Такое различие, по мнению К. Пайкин, отражает искусственное расщепление синтетического по своей сути явления, где невозможно четкое разделение между «тем, что происходит» и «тем, с чем это происходит».

Метеорологические существительные во французском языке являются исключительными, поскольку они демонстрируют поведение, характерное для нескольких семантических категорий. Они могут функционировать как существительные массы (*de la pluie*), существительные состояния (*le gel*) и существительные события (*une pluie torrentielle*), позволяя, казалось бы, несовместимым понятиям сосуществовать в рамках одного лингвистического класса. Такая гибкость отличает метеорологические существительные от других

классов существительных, таких как существительные материала или деятельности, и подчеркивает их семантическую неоднородность.

Напротив, метеорологические глаголы во французском языке образуют класс безличных глаголов, характеризующихся отсутствием аргументативной структуры, кроме факультативного локативного компонента. Примерами могут служить *pleuvoir* («идти дождь») и *geler* («замерзать»). Хотя эти глаголы объединяет безличная конструкция (*il pleut, il gèle*), они семантически неоднородны. Одни глаголы обозначают действия (*venter*), другие - состояния или изменения состояния (*geler*). Эта двойственность отражает сложность соответствующих существительных.

Далее К. Пайкин рассматривает этимологические отношения между метеорологическими существительными и глаголами, задаваясь вопросом, являются ли существительные производными от глаголов или наоборот. Анализируя протоиндоевропейские корни, она утверждает, что метеорологические существительные предшествуют своим отглагольным аналогам. Этот вывод важен, поскольку он ставит под сомнение предположение о том, что метеорологические существительные являются девербативами, и вместо этого позиционирует их как первичные лексические единицы, которые дали начало более поздним глагольным образованиям.

Автор также рассматривает структурные особенности метеорологических глаголов. Традиционный анализ этих глаголов был сосредоточен на их аргументативной структуре, в частности на природе безличного местоимения *il* во французском языке. К. Пайкин критически рассматривает предшествующие лингвистические теории, в том числе теории Н. Хомского и других, чтобы дать исчерпывающий отчет о синтаксическом и семантическом поведении этих глаголов. Она предполагает, что местоимение *il* может функционировать в качестве квазиаргумента или локатива.

В итоге это исследование показывает, что поведение метеорологических существительных и глаголов, хотя и кажется нерегулярным, на самом деле в высшей степени систематично и предсказуемо. Их уникальные характеристики

обусловлены синтетической природой описываемых ими метеорологических явлений, которые не поддаются четкой классификации на субъектно-предикатные структуры. Анализ К. Пайкин способствует более глубокому пониманию того, как языки кодируют природные явления и как взаимодействуют номинативные и глагольные выражения в лексиконе.

Далее в работе К. Пайкин углубляется в структуру метеорологических глаголов, обращаясь к теоретическим и синтаксическим дебатам, которые долгое время окружали эти языковые элементы. В центре внимания - их безличный характер, в частности роль и поведение местоимения *il* во французском языке, которое служит синтаксическим субъектом этих глаголов. К. Пайкин исследует сложности этой структуры, изучая, следует ли понимать *il* как эксплементальное выражение, квазиаргумент или как неотъемлемый элемент с идентифицируемой семантической ролью.

Одним из ключевых аспектов ее анализа является локативный компонент, связанный с метеорологическими глаголами. Во многих случаях, хотя местоимение *il* кажется лишенным референциального содержания, оно дополняется локативным аргументом или адьюнктом (например, *il pleut à Paris*). К. Пайкин утверждает, что включение таких локативов не случайно, а структурно значимо, поскольку компенсирует иную природу этих глаголов. Эта мысль основывается на более ранних анализах безличных глаголов, проведенных такими лингвистами, как Р. Джекендофф, Ч. Филлмор и Ф. Беннис, но К. Пайкин развивает дискуссию дальше, интегрируя ее в более широкие семантико-синтаксические рамки.

Особого внимания заслуживает ее рассмотрение безличного местоимения *il*. Традиционно *il* в таких предложениях, как *il pleut*, классифицируется как восклицательное местоимение, синтаксический элемент, лишенный смысла. Однако К. Пайкин критикует эту точку зрения, утверждая, что такая классификация упускает из виду более глубокие структурные и семантические свойства этих глаголов. Опираясь на данные других языков, включая русский и английский, она показывает, что метеорологические глаголы часто сохраняют

квазиаргументативную позицию, которая может быть интерпретирована как локативная или эвентивная по своей природе.

К. Пайкин также обращается к вопросу о неаккузативности метеорологических глаголов, помещая свой анализ в более широкий контекст теории неаккузативных глаголов. По определению, неаккузативные глаголы - это непереходные глаголы, единственный аргумент которых синтаксически ведет себя как объект, а не как субъект. Примерами могут служить такие глаголы, как *arriver* («прибывать») или *tomber* («падать»), которые разделяют определенное синтаксическое поведение с метеорологическими глаголами. Пайкин исследует, проявляют ли такие глаголы, как *pleuvoir* или *neiger*, неаккузативные свойства, особенно в отношении их факультативных локативных составляющих. Она приходит к выводу, что хотя метеорологические глаголы могут в некоторых отношениях напоминать неаккузативные, их аргументативная структура принципиально отличается из-за отсутствия глубинного аргумента, который мог бы функционировать в качестве синтаксического субъекта.

К. Пайкин подчеркивает, что метеорологические глаголы не могут принимать прямые объекты или агентивные субъекты, что еще больше подчеркивает их уникальный статус в глагольной системе. Однако она отмечает, что эти глаголы иногда демонстрируют личное употребление (например, *le ciel pleure*), что размывает границы между их безличными и личными конструкциями. Такие употребления, хотя и редкие, дают ценные свидетельства для понимания основной семантической структуры этих глаголов и их способности вмещать агентивные или одушевленные предметы в определенных контекстах.

Еще одним значительным вкладом в работу К. Пайкин является анализ событийной структуры метеорологических глаголов. Она различает глаголы, обозначающие состояния (*geler*), и глаголы, описывающие динамические действия (*venter*). Это разграничение повторяет классификацию З. Вендлера глагольных предикатов на состояния, действия, свершения и достижения, но

К. Пайкин адаптирует его для учета особенностей метеорологических глаголов. Например, глаголы типа *pleuvoir* могут интерпретироваться и как действия, и как события, в зависимости от контекста и наличия временных модификаторов. Эта двойственность отражает синтетическую природу метеорологических явлений, которые не поддаются простой категоризации в рамках традиционной событийной структуры.

К. Пайкин также исследует отношения между метеорологическими глаголами и номинализациями, особенно в таких языках, как английский, где герундиальные формы (*raining, snowing*) функционируют как номинативные предикаты. Она противопоставляет эти образования французскому языку, где метеорологические существительные и глаголы остаются более четко разграниченными. Анализ показывает, что если английский язык допускает определенную степень плавности между номинативными и глагольными выражениями, то французский язык поддерживает более строгие границы между этими категориями. Это наблюдение еще больше подтверждает ее аргумент о том, что метеорологические выражения, будучи семантически синтетическими, подвержены языковым ограничениям в своей морфосинтаксической реализации.

В целом, исследование метеорологических глаголов, проведенное К. Пайкин, ставит под сомнение многие устоявшиеся предположения об их структуре и поведении. Интегрируя идеи неаккузативности и семантики событий, она демонстрирует, что эти глаголы занимают уникальное положение в глагольной системе, отражающее синтетическую и безагентную природу описываемых ими явлений. Ее анализ не только углубляет наше понимание метеорологических выражений, но и вносит вклад в более широкие дискуссии в области синтаксической и семантической теории.

В данном параграфе были проанализированы исследования в области образного потенциала названий погодных явлений. В процессе анализ были сделаны следующие выводы. Изучение образного потенциала терминологии, связанной с погодой, раскрывает ее глубокое культурное, лингвистическое и когнитивное значение. Анализ показывает, что погодные термины не просто

описывают метеорологические явления; они служат богатыми сосудами для культурного смысла, метафорического выражения и символического резонанса. В различных языковых традициях, от русского и английского до французского и китайского, эти термины воплощают взаимодействие между экологическими реалиями, культурными ценностями и человеческим опытом. Идиоматические выражения, например, часто отражают уникальные культурные установки, сформированные окружающей средой, как видно из негативных коннотаций «лед» в русских идиомах по сравнению с нейтральным тоном «гром» в английских фразах.

Кроме того, диалектное использование и литературные контексты приносят дополнительную глубину в этот языковой материал, демонстрируя, как локализованные культурные традиции и исторические моменты могут формировать интерпретационные рамки метеорологических терминов. От сибирских метафор, связывающих дождь с живыми существами, до использования погодных образов как средства для стойкости во время войны в русской литературе, символический потенциал этих элементов становится все более очевидным. Эти примеры подчеркивают многогранную роль погодных терминов как мостов между осязаемым и абстрактным, связывая экологические явления с эмоциональными, социальными и культурными проявлениями человека.

Многие исследования по-прежнему ограничиваются идиоматическим использованием, упуская из виду отдельные символические и культурные аспекты погодных терминов за пределами устойчивых выражений. Сравнительные исследования родственных языков, таких как русский и белорусский, обогащают наше понимание общего языкового наследия, но часто не учитывают более широкие межъязыковые и межкультурные нюансы. Аналогичным образом, хотя редкие метеорологические явления, такие как «грибной дождь», получают пристальное внимание, символические слои, встроенные в повседневные элементы, такие как дождь, снег или ветер, все еще недостаточно изучены. Более широкое изучение этих терминов в неродственных

языках и традициях может дать представление об универсальных и культурно-специфических аспектах взаимодействия человека с природой.

В конечном счете, этот корпус исследований подчеркивает силу терминологии, связанной с погодой, как лингвистического и культурного ресурса. Эти термины заключают в себе взаимосвязь окружающей среды, языка и мышления, предлагая глубокое понимание того, как человечество воспринимает и интерпретирует мир.

Выводы

Изучение метеорологической терминологии демонстрирует ее глубокое лингвистическое, культурное и когнитивное значение, раскрывая сложную взаимосвязь между языком, природными явлениями и человеческим восприятием. Метеорологические термины, которые часто рассматриваются как простое описание погодных условий, выполняют гораздо более глубокую функцию в языковых системах. Они выступают не только как инструменты для категоризации и наименования атмосферных явлений, но и как носители метафорического, культурного и эмоционального смысла. Кодирова реалии окружающей среды, эти термины выходят за рамки своей описательной роли, воплощая в себе ценности, опыт и интерпретационные рамки культур, которые их используют.

Важнейший аспект метеорологической терминологии заключается в ее образном потенциале, который позволяет языку вызывать яркие образы, эмоциональный резонанс и концептуальную глубину. Этот потенциал возникает в результате взаимодействия когнитивных механизмов и культурных влияний, которые формируют восприятие и представление природных явлений. Например, термины, связанные с погодой, часто приобретают метафорические значения, которые выходят за рамки их буквального смысла, связывая природные явления с человеческими эмоциями, общественным опытом и абстрактными идеями. Эти метафорические ассоциации обогащают

коммуникативную силу языка, способствуя более глубокой связи между говорящим и аудиторией через общие культурные и эмоциональные рамки.

Культурное значение метеорологических терминов становится особенно очевидным при изучении их идиоматического и метафорического использования в различных языковых традициях. Такие выражения часто отражают уникальные культурные установки, исторический опыт и условия окружающей среды, о чем свидетельствуют различные коннотации таких терминов, как «лед» и «гром» в русском и английском идиомах. Эти языковые вариации показывают, как общества интерпретируют и интегрируют природные явления в свое коллективное мировоззрение, подчеркивая роль языка как зеркала и посредника во взаимодействии человека с природой.

Кроме того, символические измерения метеорологических терминов выходят за рамки идиоматических выражений. В диалектной речи и литературных контекстах эти термины часто служат мощными символами, в которых заключены культурные повествования, исторические воспоминания и общие эмоциональные переживания. Например, региональные метафоры дождя или снега могут вызывать ассоциации с жизнью, трудностями или обновлением, отражая экологическую и культурную специфику сообществ, которые их порождают. Аналогичным образом, использование погодных образов в литературе, например, в военное время, подчеркивает способность этих терминов передавать коллективную стойкость, борьбу и надежду.

Несмотря на богатый образный и символический потенциал, изучение метеорологических терминов выявляет значительные пробелы в современных лингвистических исследованиях. В то время как идиоматические и метафорические употребления были подробно изучены, более широкое символическое и культурное значение отдельных терминов, связанных с погодой, остается недостаточно изученным. Например, сравнительные исследования неродственных языков и традиций могли бы пролить свет на универсальные модели и культурно-специфические интерпретации природных явлений. Аналогичным образом, более пристальное внимание к символическим

ролям таких распространенных погодных элементов, как дождь, снег и ветер, могло бы углубить наше понимание того, как язык кодирует взаимодействие человека с окружающей средой.

Глава 2. Сравнительный анализ образного потенциала названий погодных явлений в русском и французском языках

2.1. Семантический анализ названий погодных явлений

Анализ слов дождь в русском языке и pluie во французском выявляет лексические, семантические и стилистические закономерности при обращении к методу сопоставительно-семантического анализа. В русском языке слово дождь функционирует как основной термин для обозначения осадков в жидком виде и занимает центральное место в своей лексической группе. Его семантическая структура включает как денотативное, так и коннотативное измерения. Денотативно дождь обозначает капли воды, выпадающие из атмосферы, - естественное метеорологическое явление. Стилистически он нейтрален, часто используется в научном, поэтическом и разговорном контекстах.

Термин имеет производные формы и словосочетания, подчеркивающие его частоту и тематическую значимость, такие как ливень, морось, а также фразы типа идёт дождь. Эти родственные термины отражают различия в интенсивности, продолжительности и восприятии явления. Также семантический словарь русского языка [Шведова, 1998] выделяет переносное значение слова дождь, как множество или обилие чего-нибудь.

Во французском языке pluie обладает схожими денотативными свойствами, обозначая осадки в виде водяных капель. Он также является основным термином в своей лексической микрогруппе. Семантическая сеть, окружающая pluie, включает такие термины, как averse (ливень), bruine (морось) и ondée (внезапный дождь), каждый из которых несет в себе нюансные различия в интенсивности и контексте. Как и дождь, pluie стилистически нейтрален, но очень разнообразен, встречается в научных описаниях, литературе и повседневной речи [Mel'çuk, 1999]. Фразы типа il pleut (идет дождь) зеркально отражают русский эквивалент по структуре и функции, иллюстрируя общую концептуализацию события в двух языках.

Оба термина демонстрируют заметные различия в своих периферийных структурах. В русском языке существует богатый набор разговорных и поэтических выражений, связанных с дождем, отражающих культурные ассоциации с временами года, настроениями и эмоциями. Например, дождь часто символизирует меланхолию или обновление в русской литературе и идиоматическом употреблении. Во французском языке *pluie* также имеет метафорический смысл, но, как правило, вызывает образы нежности или романтизма, особенно в поэтических контекстах. Такие различия подчеркивают культурные и языковые расхождения в восприятии и выражении дождя [Mahtab, 1999].

Системные отношения внутри каждого языка выявляют дополнительные различия. В русском языке микрогруппа, окружающая дождь, имеет иерархическую структуру, в которой родственные термины различаются в основном по интенсивности и дополнительным метеорологическим признакам, таким как град или снег с дождём [Шведова, 1998]. Французский язык, хотя и имеет схожую структуру, делает дополнительный акцент на временных аспектах, а такие термины, как *giboulée* (весенний ливень), подчеркивают специфические сезонные коннотации, отсутствующие в русском языке [Mahtab, 1999].

Несмотря на эти различия, основные лексические элементы в обоих языках демонстрируют значительную степень совпадения. Центральное положение слов «дождь» и «*pluie*», их семантическая ясность и высокая частотность в формальных и неформальных контекстах подчеркивают их лингвистическую значимость.

Далее проведем анализ слова снег в русском языке и *neige* во французском языке. В русском языке снег служит основным термином для замороженных осадков, занимая центральное положение в своей лексической микрогруппе. Денотативно он относится к кристаллам льда, которые образуются и накапливаются на земле в холодную погоду. Стилистически снег является нейтральным термином, но имеет существенный поэтический резонанс, часто

появляясь в литературе, чтобы вызвать образы чистоты, тишины или запустения. Производные формы и связанные термины, такие как метель, сугроб и пороша, расширяют его лексическую сеть и отражают вариации интенсивности, формы и контекста. Глагольная форма *идёт снег* является основным словосочетанием, используемым для описания продолжающегося снегопада, отражая функциональную простоту подобных выражений для природных явлений.

Во французском языке *neige* играет сопоставимую роль в качестве основного термина для снега. Он разделяет четкое денотативное значение со своим русским аналогом, описывая замерзшие осадки. Семантическое поле, окружающее *neige*, включает такие термины, как *avalanche* (лавины), *givre* (мороз) и *flocon de neige* (снежинка), которые детализируют связанные явления или компоненты снега. Стилистически *neige* также нейтрален, но несет в себе сильный поэтический и культурный резонанс, часто связанный с образами спокойствия, чистоты или зимних праздников. Фраза *il neige* (идет снег) функционирует аналогично *идёт снег* в русском языке, усиливая параллели в основных языковых выражениях этого явления [Mel'çuk, 1999].

Значительная область расхождения лежит в периферийной лексике и культурных коннотациях снега в каждом языке. В русском языке снег и его производные глубоко укоренены в культурных и литературных традициях, часто символизируя суровость зимы, выносливость или ностальгию. Например, первый снег имеет эмоциональное значение, отмечая сезонный переход, который резонирует с темами обновления или мимолетной красоты.

Во французском языке *neige* часто имеет более лёгкую, более живописную коннотацию. Эта коннотация формируется выдающимся значением снега во франкоговорящих регионах, таких как Альпы, где он часто связан с живописными пейзажами и развлекательными мероприятиями, такими как катание на лыжах или праздничные зимние традиции. Такие фразы, как *chute de neige* (снегопад) и *neige fondue* (мокрый снег) подчеркивают особые различия в явлениях, связанных со снегом. Термин *chute de neige* подчеркивает процесс падения снега, нейтральный, но описательный способ обозначения события, в то

время как *neige fondue* передает более конкретный и менее идиллический тип осадков, описывая частично растаявший снег, который выпадает в условиях умеренных температур [Mahtab, 1999].

Фраза *neige éternelle* (вечный снег) отражает более широкую концепцию снега как чего-то вечного и непреходящего, часто используемого для описания снега, найденного на вершинах гор, который никогда не тает из-за большой высоты и низких температур. Это понятие несет в себе чувство благоговения и почтения к красоте природы. Аналогично, *bonhomme de neige* (снеговик) вводит элемент игривости и культурной традиции, вызывая образ строительства снежных фигур зимой, занятие, обычно связанное с детством и семейной радостью.

В обоих языках снег и *neige* демонстрируют иерархическую организацию внутри своих соответствующих микрогрупп, где связанные термины расходятся по конкретным метеорологическим или экологическим факторам. Однако их стилистическое и метафорическое использование подчеркивает различия в культурном восприятии. Русский язык склонен подчеркивать преобразующие и иногда угрожающие аспекты снега, в то время как французский часто обрамляет его в контексте красоты или спокойствия.

Несмотря на эти различия, оба термина занимают видное место в своих соответствующих языковых системах, отражая общее человеческое восприятие снега как природного явления.

Метафоры и метонимии играют важную роль в улучшении образности явлений, связанных со снегом, показывая, как разные языки отражают культурное и эмоциональное восприятие природного мира. В русском языке такие выражения, как снежная пелена, передают ощущение обволакивающей белизны и неизвестности. Метафора «пелена» подчеркивает преобразующие и скрывающие качества снега, вызывая образы ландшафта, окутанного тишиной и тайной. Это выражение часто несет в себе коннотации изоляции, необъятности или даже зловещей неподвижности, подчеркивая глубокое влияние снега на окружающую среду и человеческий опыт во время долгих русских зим.

Во французском языке метафора *un manteau neigeux* (снежная шуба) подчеркивает другую перспективу. Слово *manteau* (шуба) предполагает защитное и нежное покрытие, что соответствует французской тенденции романтизировать или эстетизировать снег [Mahtab, 1999]. Эта образность отражает взаимодействие со снегом, которое в меньшей степени касается выносливости, а в большей — его визуальных и тактильных качеств, как будто ландшафт одет или украшен природой. Метафора «пальто» также подразумевает мягкость и тепло, парадоксальным образом очеловечивая в противном случае холодное и неодушевленное явление.

Эти различия в метафорическом обрамлении иллюстрируют, как каждый язык наделяет одно и то же природное явление уникальными культурными и эмоциональными резонансами.

Понятие «ветер» в русском языке и «vent» во французском языке предлагает богатую область для сравнительного лексического анализа, особенно при изучении их метафорического и образного потенциала. Оба термина в первую очередь обозначают природное явление: движение воздуха, вызванное разницей в атмосферном давлении. Эта общая денотативная основа лежит в основе их лексической группировки и делает их пригодными для сравнительного исследования. Однако культурные, стилистические и метафорические нюансы, заложенные в каждом языке, выявляют важные различия и сходства, которые заслуживают дальнейшего изучения.

В русском языке «ветер» занимает центральное положение в лексико-семантической группе, связанной с природными элементами. Его первичное денотативное значение — движение воздуха — распространяется на сеть вторичных и образных значений. «Ветер» часто используется метафорически, чтобы символизировать свободу, изменение и непредсказуемость [Шведова, 1999]. Например, такие выражения, как «ветер перемен», подчеркивают роль ветра как агента трансформации, часто несущего коннотации обновления или потрясения. Понятие изменчивости также заключено в таких фразах, как «унести ветром», которые могут предполагать как физическое, так и абстрактное

перемещение [Тихонов, 2007]. Стилистически «ветер» может варьироваться от нейтрального до поэтического, при этом его использование в литературе часто вызывает ощущение необъятности, движения и эфемерности существования.

Французский «vent» также служит основным термином в своей семантической группе. Его основное значение напрямую соответствует его русскому аналогу, обозначающему воздух в движении. Метафорически «vent» несет в себе подтекст изменения и мимолетности, как видно из таких выражений, как «le vent tourne» (ветер поворачивает), что означает меняющиеся обстоятельства или судьбу. Идиома «avoir du vent dans les voiles» (иметь ветер в парусах) метафорически передает импульс и прогресс, опираясь на морскую ассоциацию ветра как движущей силы. Кроме того, "brasser du vent" (поднимать ветер) обозначает бессмысленную или непродуктивную деятельность, подчеркивая отчетливый оценочный нюанс, отсутствующий в русском языке [Mahtab, 1999]. Стилистически "vent" многогранен, появляется как в нейтральном, так и в возвышенном регистре, но его поэтический потенциал часто заключается в вызывании образов движения и мимолетности.

Сравнительные метафорические структуры, окружающие "ветер" и "vent", раскрывают общие символические области, но также и различные культурные акценты. В обоих языках ветер метафорически обозначает изменение и непостоянство, однако образные разработки различаются. Русские идиомы и метафоры часто связывают "ветер" с чувством свободы и естественной силы, как видно из литературного тропа "ветер вольности". Напротив, французские выражения часто подчеркивают практические или оценочные измерения, как в "contre vents et marées" (против ветров и приливов), что подчеркивает устойчивость в невзгодах [Mahtab, 1999].

Кроме того, роль «ветер» и «vent» в стилистических и оценочных контекстах демонстрирует, как каждый язык организует свой лексикон и культурное мировоззрение. В русском языке «ветер» часто передает романтический или экзистенциальный подтекст, отражая философское взаимодействие с природой и изменениями. Французское «vent», хотя и

способно к подобному поэтическому воплощению, склоняется к идиоматической точности, внедряясь в повседневную речь с тонкими комментариями о действии и последствиях.

Сравнение "ветер" и "vent" подчеркивает их общее семантическое ядро и расходящиеся культурные разработки. Оба термина инкапсулируют универсальное явление ветра, но встроены в различные метафорические рамки, которые отражают их соответствующие лингвистические и культурные контексты.

Русское слово «гроза» и его французский аналог «orage» предлагают поле для сравнительного анализа, особенно с точки зрения их метафорического и образного потенциалов. Оба термина укоренены в первичном денотативном значении: метеорологическое явление, характеризующееся громом, молнией и часто сильным дождем. Несмотря на эту общую семантическую основу, символические и культурные резонансы этих терминов существенно различаются, отражая различные языковые и культурные мировоззрения.

В русском языке «гроза» принадлежит к лексической группе, связанной с природными явлениями, в частности, экстремальными погодными явлениями [Шведова, 1999]. Его первичное значение охватывает физические характеристики грозы, но его образный потенциал простирается далеко за пределы этого. «Гроза» часто символизирует силу, опасность и надвигающуюся или неизбежную силу. Например, оно используется метафорически для обозначения угрожающего или внушающего благоговение человека или события, как в «гроза врагов», в контексте чего-то что вызывает ужас, или «гроза надвигается», что указывает на неизбежные неприятности. Термин также передает эмоциональную интенсивность, часто появляясь в поэтических контекстах, чтобы вызвать чувство предчувствия или драматического напряжения.

Французское «orage», как и «гроза», в первую очередь обозначает грозу, но несет свои собственные уникальные коннотации и образные применения. Во французском языке «orage» часто используется метафорически для обозначения

конфликта, волнений или периода сильных эмоций или активности. Такие выражения, как «un orage éclate» (разразилась буря), могут относиться как к буквальным бурям, так и к образным вспышкам гнева или конфликта. Идиома «calme avant l'orage» (затишье перед бурей) подчеркивает напряжение, предшествующее драматическому или тревожному событию, использование, параллельное в русском языке, но часто с меньшей идиоматической точностью [Mahtab, 1999]. В отличие от «гроза», которая может вызывать почти благоговейный страх, «orage» часто подразумевает более сдержанное или разрешимое беспокойство, отражая тонкое различие в том, как две культуры воспринимают и представляют смятение.

Стилистически и «гроза», и «orage» подходят для поэтического и драматического использования, но способы, которыми они встроены в литературный и повседневный язык, различаются. В русском языке «гроза» часто используется в поэтических контекстах, чтобы вызвать величие, эмоциональную глубину и экзистенциальную борьбу. Во французской литературе «orage» также имеет символическое значение, особенно в романтических и символистских традициях, где оно представляет силу природы и человеческие эмоции. Однако его идиоматическое присутствие во французской повседневной речи, например, «faire des orages» (вызывать переполох) [Mahtab, 1999], отражает более прагматичное и менее мистическое взаимодействие с концепцией.

В текстовом использовании русская «гроза» имеет тенденцию доминировать в описаниях драматических, неконтролируемых сил, как природных, так и созданных человеком, в то время как французская «orage» часто служит метафорой межличностного или общественного конфликта. Эти различия указывают на более широкие культурные тенденции: вовлечение русского языка в природу как возвышенную, почти духовную силу контрастирует с французской склонностью обрамлять природные явления в человеческих и социальных контекстах.

Сравнительный анализ "гроза" и "orage" выявляет как общие семантические поля, так и отличительные метафорические траектории. Хотя оба термина отражают суть грозы, их образные расширения отражают различные культурные акценты на силе, конфликте и разрешении. Эти различия не только подчеркивают уникальные качества каждого языка, но и предлагают более глубокое понимание того, как природные явления лингвистически кодируются и культурно воспринимаются

Русское слово «туман» и его французский эквивалент «brouillard» предоставляют богатую почву для сравнительного лексического анализа, особенно в их метафорическом и образном использовании. Оба термина в первую очередь обозначают природное явление, характеризующееся облаком конденсированного водяного пара у земли, которое затмевает видимость. Эта общая физическая точка отсчета закрепляет их лексические значения, однако их метафорические разработки и культурные резонансы выявляют важные различия, укорененные в лингвистических и культурных контекстах.

В русском языке «туман» занимает центральное положение в лексико-семантической группе, связанной с атмосферными явлениями. Помимо своего буквального значения, «туман» часто служит метафорой неясности, путаницы или неопределенности. Это очевидно в таких выражениях, как «в тумане», которое может описывать как буквальную плохую видимость, так и образное состояние умственной затуманенности или дезориентации. Термин также появляется в таких фразах, как «туман в голове», подчеркивая путаницу или отсутствие ясности в мыслях. Стилистически «туман» носит двойственный характер: он нейтрален в научных и повседневных описаниях, но в поэтических и литературных контекстах часто вызывает чувство таинственности, меланхолии или отрешенности. Например, «туманный Альбион» — поэтическое обозначение Англии, подчеркивающее ее стереотипную связь с туманом, одновременно вызывая атмосферу романтической дистанции [Тихонов, 2007].

Во французском языке «brouillard» разделяет основное денотативное значение тумана, но также распространяется на метафорические и

идиоматические употребления, которые параллельны и расходятся с русским. Как и «туман», «brouillard» может означать замешательство или непонимание, как в «être dans le brouillard» (быть в тумане), описывая состояние умственной неопределенности или недоумения. Французы также используют этот термин метафорически в таких контекстах, как «lever le brouillard» (поднять туман), подразумевая прояснение ранее неясной ситуации [Mahtab, 1999]. Однако «brouillard» реже проникнут теми же поэтическими и меланхолическими обертонами, что и «туман» в русском языке. Вместо этого он часто появляется в более прагматичных или описательных контекстах, отражая тенденцию во французском языке подходить к природным явлениям с упором на ясность и разрешение.

Стилистически эти два термина демонстрируют заметные различия. В русском языке «туман» легко поддается возвышенным, лирическим описаниям и часто ассоциируется с пейзажами, наполненными эмоциональным или философским значением. Во французском языке, хотя «brouillard» может появляться в литературных контекстах, его использование чаще сохраняет практический или описательный тон, как видно во фразах типа «brouillard épais» (густой туман) или «une journée de brouillard» (туманный день), которые фокусируются на физическом явлении, а не на его символических коннотациях [Mel'çuk, 1999].

В текстовом использовании «туман» в русской литературе часто служит мотивом для создания атмосферы неопределенности, мечтательной отрешенности или экзистенциального вопрошания. Во французской литературе «brouillard» появляется как описательный прием или метафора для затемненного видения или понимания, но его роль, как правило, более ситуативная, чем тематическая, часто связанная с непосредственным контекстом повествования, а не с всеобъемлющими экзистенциальными проблемами.

Сравнение «туман» и «brouillard» подчеркивает их общее семантическое ядро, одновременно освещая их расходящиеся метафорические траектории и стилистические применения. В то время как оба термина заключают в себе

сущность тумана как естественного и метафорического явления, русский «туман» склоняется к поэтической и философской глубине, отражая взаимодействие с природой как источником тайны и интроспекции. Французский «brouillard», напротив, часто подчеркивает ясность, разрешение и практическое понимание, отражая культурную склонность к рациональности и просвещению. В совокупности эти языковые и культурные нюансы дают ценную информацию о том, как природные явления кодируются и интерпретируются в разных языках и традициях.

В данном параграфе требовалось провести сравнительно-сопоставительный анализ метеонимов в русском и французском языках. В процессе изучения было отмечено, что семантический и метафорический анализ таких погодных терминов, как «дождь» и «pluie», «снег» и «neige», «ветер» и «vent», подчеркивает богатые лингвистические и культурные измерения, заложенные в этих словах в русском и французском языках. Оба языка демонстрируют общую денотативную ясность в определении этих природных явлений, что отражает их универсальное восприятие как неотъемлемых аспектов человеческого опыта. Однако нюансы коннотативных и метафорических аспектов свидетельствуют о различии культурных рамок и эмоциональных резонансов.

Например, русские «дождь» и «снег» часто подчеркивают трансформационные или меланхолические качества, сочетаясь с культурными ассоциациями выносливости, ностальгии или обновления. Связанные с этими терминами метафоры, такие как «снежная пелена», подчеркивают темы обволакивания и таинственности, воплощая в себе взаимодействие русской литературной и культурной традиции с суровостью и красотой природы. В отличие от них, их французские аналоги, «pluie» и «neige», склоняются к романтизированным и эстетизированным образам, а такие выражения, как «un manteau neigeux», отражают более мягкое, живописное взаимодействие с природными стихиями, часто вызывая нежность и безмятежность.

Аналогичным образом, сравнение между «ветром» и «vent» иллюстрирует общую концептуализацию ветра как символа перемен и непредсказуемости. Однако русские метафоры, такие как «ветер перемен», несут в себе динамичный и часто преобразующий смысл, в то время как французское «vent» часто встречается в контекстах, подчеркивающих элегантность и движение, а также имеет более тонкое и поэтическое обрамление.

Лингвистическая значимость этих терминов в обоих языках в сочетании с их семантическим богатством подчеркивает их ключевую роль в культурном и эмоциональном ландшафте их носителей. Интеграция денотативной точности и метафорической глубины в русском и французском языках не только отражает общий человеческий опыт в отношении погодных явлений, но и показывает уникальные способы, с помощью которых каждая культура интерпретирует и представляет эти элементы в своих языковых системах. Это взаимодействие между универсальностью и культурной спецификой предлагает убедительную линзу для понимания более широких отношений между языком, восприятием и культурной идентичностью.

2.2 Культурные и образные ассоциации в названиях погодных явлений

Культурный контекст играет решающую роль в формировании образности, предоставляя уникальные символы и ассоциации, которые обогащают интерпретацию языка, включая названия погодных явлений. Каждая языковая среда кодирует культурное мировоззрение в используемые им выражения и метафоры, опираясь на общий опыт, традиции и факторы окружающей среды.

В русском языке обширный, часто суровый ландшафт находит отклик в названиях, вызывающих чувство выносливости и грозных сил природы. И наоборот, во французском языке влияние умеренного климата и долгая история поэтических традиций способствуют появлению погодных терминов, которые могут подчеркивать деликатность, тонкость и эстетические качества. Такие

различия в образности не просто декоративны, они служат окном в коллективное воображение и исторический опыт каждой культуры.

Более того, культурный контекст влияет на эмоциональный резонанс погодных образов. Например, буря может восприниматься как разрушительная сила или как драматическое и внушающее благоговение зрелище, в зависимости от культурных нарративов и исторических ассоциаций. Эти взгляды зашифрованы в образном языке погодных явлений, показывая не только то, как общество описывает свою физическую среду, но и то, как оно наделяет ее смыслом.

Русская культура подчеркивает суровость своего климата с помощью богатой символики и образов, особенно в изображении зимы и холода. Этот акцент глубоко укоренился в русском языке, литературе и фольклоре, отражая глубокую связь между народом и окружающей средой.

Лексическая семья слова «снег» особенно богата, с широким спектром синонимов, производных и родственных терминов, отражающих многогранную природу снега. Например, такие слова, как «метель», «вьюга», «пурга» и «буран», обозначают различные аспекты снежной погоды, каждый из которых подчеркивает такие специфические характеристики, как интенсивность, движение или эмоциональное восприятие. В то время как «метель» часто вызывает вихревые, поэтические образы, «пурга» и «буран» чаще всего ассоциируются с хаосом и разрушительной силой [Абрамов, 1994]. Эти тонкие различия подчеркивают культурную потребность в выражении различных впечатлений от снежной погоды.

Более того, прагматические коннотации еще более обогащают семантический объем этих терминов, наделяя их эмоциональными и эстетическими измерениями. В русском поэтическом и бытовом дискурсе снег часто ассоциируется с такими положительными ценностями, как чистота, обновление и красота. Такое культурное представление о снеге как об «активной фигуре» контрастирует с его изображением во многих других языках, где снег скорее считается пассивным элементом окружающей среды. В русском языке

снег персонифицирован, наделен властью и прославлен за свои преобразующие качества.

В повести «Метель» А.С. Пушкина метель служит и буквальной силой, и символическим представлением непредсказуемости судьбы. Она срывает бегство Марьи Гавриловны от Владимира Николаевича и запускает череду недоразумений и совпадений, которые приводят ее к случайному браку с Бурминым. Метель отражает эмоциональные потрясения героев, ее хаотичный, дезориентирующий характер символизирует неконтролируемые силы, определяющие человеческую судьбу. Помимо повествовательной функции, метель создает напряженную, таинственную атмосферу, изолируя персонажей и усиливая драматизм. Как стихийная сила, равнодушная к человеческим планам, метель воплощает романтическое представление о могуществе природы и отражает русские культурные ассоциации со снегом как прекрасным и опасным, усиливая темы любви, случайности и неизбежности судьбы в повести.

Литература и фольклор служат основными средствами передачи этой символики. В русской литературе зима часто изображается как грозная сила, которая формирует характер и судьбу человека. В романе Федора Достоевского «Братья Карамазовы» суровая русская зима изображается как фон, который влияет на поступки и философию героев, подчеркивая вездесущий вызов холода. В рассказах Антона Чехова зимняя обстановка часто используется для раскрытия тем изоляции и экзистенциальной борьбы, отражая всепроникающее воздействие холода на человеческую психику.

Фольклор также богат повествованиями, в которых зима и холод персонифицируются и наделяются человеческими качествами. Фигура Морозко - центральный персонаж некоторых русских сказок, олицетворяющий зимний холод и опасности, которые он несет. В сказках Морозко часто изображается капризной фигурой, которая может быть как благосклонной, так и злой, отражая непредсказуемую природу холода и его способность как воспитывать, так и уничтожать. По мнению В.Я. Проппа в «Морозко» наблюдается персонификация зимы [Пропп, 1928]

Повсеместное присутствие холода в русской культуре свидетельствует о присутствии в коллективном сознании, сформированном под влиянием окружающей среды. Частое использование метафор и символов, связанных с холодом, в русском искусстве и литературе подчеркивает культурную идентичность, которая признает и преодолевает трудности сурового климата. Этот культурный акцент на холоде и зиме служит свидетельством стойкости и адаптивности русского народа, отражая глубоко укоренившееся признание холода как буквальной, так и метафорической силы, формирующей национальный характер.

Французская культура уделяет большое внимание мягкости и романтизации своего климата, что глубоко укоренилось в языке, литературе и повседневной жизни. Эта культурная склонность очевидна в поэтической природе французских метеонимов и в их отражении в художественных выражениях.

Французский язык использует множество выражений, которые передают умеренную и часто идиллическую природу своего климата. Например, термин «*le temps*» (погода) обычно используется для описания текущих погодных условий, с прилагательными, такими как «*beau*» (красивый) или «*doux*» (мягкий), часто сопровождающими его. Фраза «*Il fait beau*» (прекрасно) является распространенным выражением, отражающим оценку приятной погоды.

Во французской литературе погода часто служит фоном, который усиливает романтическую и поэтическую атмосферу повествования. Например, в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» очевидна чувствительность рассказчика к колебаниям погоды, а изменения погоды служат триггерами для произвольных воспоминаний. Отец рассказчика, в частности, описывается как «оживленный барометр», настроенный на ежедневные изменения погоды, которые являются не просто метеорологическими явлениями, но связаны с работой произвольной памяти.

Аналогично, в романе Альбера Камю «Посторонний» гнетущая жара алжирского солнца играет решающую роль в развитии истории. Палящие и

обжигающие качества погоды мучают главного героя Мерсо, что приводит к импульсивным действиям и отражает философию абсурда, которую Камю изображает на протяжении всего романа. Сильная жара служит катализатором действий Мерсо, подчеркивая неизбежное влияние окружающей среды на поведение человека.

Кроме того, французские идиоматические выражения часто включают элементы погоды, добавляя поэтическое измерение к повседневному языку. Такие выражения, как «avoir un coup de foudre» (удар молнии) метафорически описывают любовь с первого взгляда, в то время как «pleuvoir des cordes» (дождь, как веревки) ярко описывает сильный ливень. Идиома «faire la pluie et le beau temps», (создавать дождь и хорошую погоду) используется для описания человека, который обладает значительным влиянием или контролем над ситуацией. Выражение описывает образ, способный диктовать не только события, но и эмоциональную или социальную атмосферу. «Avoir un vent en poupe» (иметь ветер в парусах) — оптимистичная фраза, подразумевающая, что кто-то наслаждается удачей или находится на успешном пути [Mahtab, 1999]. Морские образы, тесно связанные с погодными условиями, отражают историческую связь с морем и торговлей, но также соответствуют культурной тенденции романтизировать прогресс и удачу.

Эти идиомы, среди многих других, раскрывают центральную роль погоды как источника вдохновения во французской культуре. Они преобразуют обыденные метеорологические концепции в яркие лингвистические инструменты, способные с изяществом и остроумием отражать сложные человеческие переживания.

Несмотря на различные культурные контексты и различия в символике, связанной с погодой, в русском и французском языках, существуют некоторые универсальные темы.

Во французском языке выражения, такие как «être dans le brouillard» (быть в тумане), имеют тематическую связь с русским «как в тумане». Обе фразы описывают чувство замешательства, дезориентации или неспособности ясно

видеть, символизируя неопределенность. Оба выражения вызывают схожую атмосферу окутывания чем-то, что находится вне вашего контроля, способствуя эмоциональному резонансу, который говорит об универсальных человеческих переживаниях.

Французская идиома «*calme avant l'orage*» и русская «затишье перед бурей» оба ссылаются на период мира или тишины, который предшествует надвигающимся потрясениям или кризису. Этот образ передает напряженную паузу, которая часто возникает перед значительным изменением или событием, что может символизировать различные аспекты человеческой жизни, такие как моменты спокойного размышления перед личным потрясением или ожидание чего-то большего. Универсальное понимание этого «затишья» ощущается одинаково в обеих культурах, подчеркивая общий опыт столкновения с неопределенным будущим.

Кроме того, другие выражения, связанные с погодой, отражают связь между природой и человеческими эмоциями в разных культурах. Например, как французская, так и русская культуры часто используют метафору ветра для представления изменений или сдвигов в судьбе. В то время как французские выражения, такие как «*avoir le vent en poupe*» (иметь ветер в парусах), передают позитивную, движущую вперед энергию, русский язык использует метафору ветра в более широком диапазоне контекстов, включая выражения, которые говорят о непредсказуемости жизни, такие как «ветры перемен» (ветры перемен). Эти выражения, хотя и различаются по своему конкретному использованию, разделяют основную идею о том, что погода, особенно ветер, отражает непредсказуемые, часто неконтролируемые силы жизни.

Идея солнца как символа ясности, оптимизма или жизненной силы также разделяется как французской, так и русской культурами, хотя и с культурными нюансами. Во французском языке такие фразы, как «*avoir le soleil dans le cœur*» (иметь солнце в сердце), выражают чувства радости, тепла и позитива, схоже с русским выражением «светлый день», которые напрямую означает солнечный день и метафорически символизируют надежду, ясность и позитивный настрой.

Обе культуры связывают солнце со светом и просветлением, но они также могут наделять его различными эмоциональными слоями в зависимости от контекста.

В этом параграфе работы требовалось рассмотреть культурные и образные ассоциации в названиях погодных явлений. В процессе изучения были сделаны следующие выводы: культурные контексты играют решающую роль в формировании как уникальных, так и универсальных элементов образов в выражениях, связанных с погодой, и их символических значений. Взаимодействие между культурной идентичностью и общим человеческим опытом становится очевидным в том, как разные языки и традиции концептуализируют и формулируют природные явления.

С одной стороны, уникальные культурные коды возникают из экологических, исторических и общественных влияний, которые определяют данную культуру. Например, французская культура имеет тенденцию романтизировать погоду с помощью выражений, таких как «avoir le soleil dans le cœur» (иметь солнце в сердце), отражающих более умеренную окружающую среду и склонность к эстетическому восприятию. Эти различные образы воплощают способы, которыми культуры наделяют погодные явления значениями, соответствующими их конкретным мировоззрениям.

С другой стороны, определенные темы выходят за рамки культурных границ, подчеркивая общий человеческий опыт и эмоции. Символизм дождя как представления меланхолии является ярким примером, повсеместно упоминаемым в литературе. Как во французском, так и в русском языке дождь часто символизирует интроспекцию или печаль, как это видно в литературных изображениях дождливых пейзажей, сопровождающих моменты глубоких эмоциональных размышлений. Аналогично, такие идиомы, как «être dans le brouillard» (быть в тумане) и «как в тумане», отражают универсальную метафору умственного замешательства или дезориентации, происходящую от общего чувственного опыта тумана, затмевающего зрение.

Кроме того, понятие «затишье перед бурей» является еще одной универсально понимаемой темой. И «calme avant l'orage», и «затишье перед

бурей» воплощают напряжение и ожидание, предшествующие значительным переменам или потрясениям, иллюстрируя, как погодные образы могут служить метафорой для неопределенностей и переходов жизни.

В конечном счете, конкретные образы могут быть сформированы локальными культурными и экологическими факторами, а универсальные темы, лежащие в основе этих выражений, раскрывают общую человеческую склонность связывать природный мир с эмоциональными и экзистенциальными измерениями. Эта двойственность подчеркивает культурное и образное богатство названий и идиом, связанных с погодой, открывая окно в более широкое взаимодействие между природой, языком и человеческим опытом.

Выводы

В этой главе был проведен сравнительный анализ названий погодных явлений в русском и французском языках. Это исследование позволило сделать несколько выводов.

Изучение таких терминов, как «дождь» и «pluie», «снег» и «neige», а также «ветер» и «vent», выявило существенные лингвистические и культурные измерения, заложенные в этих словах. Хотя оба языка демонстрируют общую денотативную ясность в описании природных явлений, отражая их универсальное восприятие как неотъемлемых аспектов человеческого опыта, их коннотативные и метафорические нюансы подчеркивают расходящиеся культурные рамки и эмоциональные резонансы. В русском языке такие термины, как «дождь» и «снег», часто подчеркивают преобразующие или меланхоличные качества, вызывая ассоциации с ностальгией или обновлением. Метафоры, полученные из этих терминов, такие как «снежная пелена», подчеркивают темы окутывания и тайны, сформированные взаимодействием русских литературных и культурных традиций с суровыми и прекрасными аспектами природы. Напротив, их французские аналоги, "pluie" и "neige", тяготеют к романтизированным и эстетизированным образам, о чем свидетельствуют такие выражения, как "un manteau neigeux" (снежная шуба), которые отражают более

мягкое, живописное взаимодействие с природными элементами, часто вызывая нежность и безмятежность.

Аналогично, сравнение между "ветер" и "vent" иллюстрирует общую концептуализацию ветра как символа перемен и непредсказуемости. Однако русские метафоры, такие как "ветер перемен", передают динамичную и часто преобразующую коннотацию, тогда как французский термин "vent" часто появляется в контекстах, подчеркивающих элегантность и движение, с более тонким и поэтическим обрамлением. Это языковое богатство подчеркивает ключевую роль, которую эти термины играют в культурных и эмоциональных ландшафтах их соответствующих носителей, предлагая понимание того, как переплетаются денотативная точность и метафорическая глубина, чтобы отражать универсальный человеческий опыт и различные культурные интерпретации.

Более того, более широкий анализ культурных и образных ассоциаций в выражениях, связанных с погодой, еще больше усилил значение культурных контекстов в формировании как уникальных, так и универсальных элементов образности и символики. С одной стороны, уникальные культурные коды возникают из экологических, исторических и социальных влияний, которые определяют данную культуру. Например, французская культура имеет тенденцию романтизировать погоду с помощью выражений, таких как «avoir le soleil dans le cœur» (иметь солнце в сердце), отражая ее умеренную окружающую среду и эстетические чувства. Такие образы отражают то, как культуры наделяют погодные явления смыслами, соответствующими их мировоззрению. С другой стороны, определенные темы выходят за рамки культурных границ, подчеркивая общие человеческие переживания и эмоции. Символизм дождя как представления меланхолии, широко изображенный в литературе, иллюстрирует эту универсальность. И русские, и французы часто связывают дождь с самоанализом или грустью, как это видно в литературных изображениях дождливых пейзажей, сопровождающих моменты глубоких эмоциональных размышлений. Аналогично, такие идиомы, как "être dans le brouillard" (быть в

тумане) и "как в тумане" (как будто в тумане), отражают универсальную метафору для обозначения умственного замешательства или дезориентации, укорененную в общем чувственном опыте тумана, затмевающего зрение.

Кроме того, концепция «затишья перед бурей» представляет собой еще одну универсально понимаемую тему. Такие выражения, как французское «*calme avant l'orage*» и аналог на русском «затишье перед бурей», воплощают напряжение и ожидание, предшествующие значительным изменениям или потрясениям, иллюстрируя, как погодные образы служат метафорой неопределенности и переходов жизни.

В конечном счете, конкретные образы формируются местными культурными и экологическими факторами, в то время как базовые универсальные темы раскрывают общую человеческую тенденцию связывать природный мир с эмоциональными и экзистенциальными измерениями. Эта двойственность подчеркивает культурное и образное богатство терминов и идиом, связанных с погодой, предлагая линзу для более широкого взаимодействия между природой, языком и человеческим опытом.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ терминологии, связанной с погодой, представляет собой многогранную концепцию, характеризующуюся, с одной стороны, своей укоренённостью в различных культурных и экологических контекстах, а с другой стороны, своей способностью отражать универсальные человеческие эмоции и восприятия посредством общей языковой символики.

Заключение

В заключение необходимо выделить ключевые аспекты исследования, проведенного в рамках темы «Образный потенциал названий погодных явлений в русском и французском языках». Актуальность исследования заключается в растущем академическом интересе к пониманию взаимодействия языка и культуры. Сосредоточившись на образном потенциале названий погодных явлений, эта работа проливает свет на то, как различные языковые системы осмысляют и представляют природные явления, отражая как универсальные, так и культурно-специфические перспективы.

Исследование продемонстрировало значимость этой области в сравнительной лингвистике, обращаясь к малоизученной теме анализа метафорических и символических представлений погоды в русском и французском языках. Хотя отдельные языковые традиции были широко изучены, сравнительный подход, предпринятый здесь, способствует заполнению заметного пробела в существующих научных исследованиях.

Достигая поставленной цели анализа образного потенциала названий погодных явлений на русском и французском языках, это исследование способствует более глубокому пониманию языковых и когнитивных моделей, а также культурных общностей и различий в осмыслении погоды.

В теоретической главе основа для исследования была заложена посредством подробного обзора соответствующей литературы по семантике, образности, лингвокультурологии и уже существующим исследованиям по теме образного потенциала названий погодных явлений. В параграфе 1.1 рассматривались ключевые концепции образного потенциала и метеонимов в лингвистике, что давало четкую концептуальную основу для анализа. Изучение терминов, связанных с погодными явлениями на русском и французском языках, подчеркнуло их двойную роль как описательных и образных элементов. Эти термины не только служат практическими инструментами для категоризации атмосферных условий, но и выступают в качестве носителей метафорического и символического значения. Результаты этого раздела подчеркивают важность

понимания того, как языковые системы кодируют природные явления, закладывая основу для последующих обсуждений.

В параграфе 1.2 были проанализированы предыдущие исследования образного потенциала погодной терминологии, что дало ценные сведения о культурном, лингвистическом и когнитивном значении этих терминов. Исследование показало, что выражения, связанные с погодой, — это нечто большее, чем просто описания метеорологических явлений. Они наполнены глубоким культурным смыслом, выступая в качестве сосудов для метафорического представления и символического резонанса. Например, негативные коннотации слова «лед» в русских идиомах резко контрастируют с нейтральным тоном слова «гром» в английских фразах, иллюстрируя влияние экологических реалий и культурных ценностей на языковые выражения.

Анализ также выявил богатые идиоматические и символические измерения метеорологических терминов в различных контекстах. Диалектные вариации и литературные использования еще больше подчеркнули, как локализованные культурные традиции и исторические повествования формируют интерпретацию этих терминов. Например, в русской литературе погодные образы использовались как мощный инструмент для выражения стойкости и надежды во время войны, отражая символическую глубину этих языковых элементов.

Теоретическая глава завершилась выявлением пробелов в существующих исследованиях. Хотя идиоматическое и метафорическое использование погодных терминов было тщательно изучено, более широкие символические и культурные измерения, особенно в сравнительных контекстах, остаются недостаточно изученными. Это включает в себя символические слои, встроенные в повседневные погодные явления, такие как дождь, снег и ветер, которые предлагают богатство неиспользованных лингвистических и культурных идей. Результаты подчеркивают необходимость дальнейших сравнительных исследований, которые включают неродственные языки, чтобы

углубить наше понимание универсальных и культурно-специфических аспектов взаимодействия человека с природой.

Благодаря этой теоретической основе исследование установило всеобъемлющую перспективу образного потенциала названий погодных явлений, подчеркнув их роль как языковых мостов между осязаемыми экологическими реалиями и абстрактными культурными ценностями. Эта перспектива сыграла важную роль в информировании практического анализа и достижении более широких целей исследования.

Сравнительный анализ терминологии, связанной с погодой, в русском и французском языках выявляет сложное взаимодействие между языковым выражением и культурной идентичностью. Это исследование показывает, что, хотя языковые системы демонстрируют универсальные элементы в своем описании природных явлений, они одновременно воплощают культурно-специфические нюансы, которые отражают уникальные мировоззрения и эмоциональные ландшафты.

Сопоставительно-семантический анализ таких терминов, как «дождь» и «pluie», «снег» и «neige», а также «ветер» и «vent», подчеркивает двойную роль языка как универсального и культурно-специфического средства. Универсально эти термины функционируют как четкие денотативные представления погодных явлений. Однако коннотативные и метафорические слои значения значительно расходятся, отражая различные культурные и эмоциональные резонансы.

Аналогичным образом концептуализация «ветер» и «vent» подчеркивает общее восприятие ветра как символа перемен и непредсказуемости. Эти лингвистические и метафорические контрасты подчеркивают степень, в которой культурные контексты формируют эмоциональные и символические измерения метеонимов.

Кроме того, исследование культурных и образных ассоциаций в выражениях, связанных с погодой, проливает свет на более широкую роль языка в посредничестве в отношениях между людьми и их средой. Уникальные

культурные коды возникают из экологических, исторических и социальных влияний, создавая особую образность и символику.

В то же время сохраняются универсальные темы, демонстрируя общие человеческие тенденции связывать природные явления с экзистенциальными и эмоциональными измерениями.

В конечном счете, этот анализ демонстрирует многогранную природу терминологии, связанной с погодой, характеризующуюся ее укоренённостью в определенных культурных и экологических контекстах и ее способностью отражать универсальные человеческие эмоции и восприятия посредством общей языковой символики. Синтез денотативной ясности и метафорической глубины в русских и французских выражениях, связанных с погодой, не только дает представление о языковых и культурных системах соответствующих языков, но и предлагает убедительную линзу, через которую можно исследовать сложные связи между природой, языком и человеческим опытом.

Эта двойственность универсальных и культурно-специфических элементов в терминологии, связанной с погодой, подчеркивает глубокую связь между языковым выражением, взаимодействием с окружающей средой и культурной идентичностью. Таким образом, сравнительное изучение этих терминов не только обогащает наше понимание языка, но и углубляет наше понимание разнообразных и взаимосвязанных способов, которыми человечество воспринимает и артикулирует свое взаимодействие с природным миром.

Исследование, проведенное в этой работе, было посвящено сравнительному анализу терминологии, связанной с погодой, на русском и французском языках, успешно выделив как универсальные, так и культурно-специфические лингвистические и культурные измерения. Изучая семантические, метафорические и образные аспекты метеонимов, исследование подчеркнуло, как язык функционирует как инструмент для общего человеческого опыта и зеркало уникальных культурных идентичностей. Результаты показывают, что эти языковые элементы глубоко переплетены с

культурными, экологическими и эмоциональными рамками, раскрывая более широкую связь между языком, восприятием и культурной идентичностью.

Выбранный исследовательский подход оказался весьма эффективным в раскрытии сложного взаимодействия между денотативной ясностью и метафорической глубиной. Основные результаты включают универсальные темы, присутствующие в терминологии, связанной с погодой, такие как символизм дождя как представление меланхолии или интроспекции, наряду с культурно-специфическими нюансами, которые формируют эмоциональные резонансы и образные выражения. Эти идеи дают всестороннее понимание того, как русский и французский языки осмысливают погодные явления, отражая их различные культурные и литературные традиции, сохраняя при этом общую связь человека с природным миром.

Перспективы развития темы образного потенциала названий погодных явлений, являются следующими следующие: расширение сравнительной структуры для включения неевропейских языковых традиций, более глубокий анализ влияния исторических и экологических факторов и изучение того, как современные культурные изменения влияют на метафорические и образные ассоциации погодных явлений. Эти области исследования имеют значительные перспективы для расширения сферы исследований и повышения их междисциплинарной ценности.

Выбранный вектор исследования подчеркивает потенциал для дальнейших междисциплинарных исследований, которые связывают лингвистику и культурологию. Располагая результаты в более широкой структуре культурного и лингвистического анализа, это исследование вносит вклад в растущий объем знаний о взаимосвязи языка, культуры и восприятия. В конечном счете, исследование подчеркивает ценность сравнительного языкознания как средства раскрытия как общих, так и уникальных методов, с помощью которых человечество выражает свое взаимодействие с природной средой.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. / Н.Ф. Алефиренко // Учебное пособие. — М.: Флинта, 2010. — 288 с.
2. Барановская Т.А., Антонова М.Б., Захарова А.В., Ли С.И. Языковая картина мира: от теории к практике / Барановская Т. А., Антонова М. Б., Захарова А.В., Ли С.И. – Издательство "ФЛИНТА" – 2023 – 208 с.
3. Беданкова З. К. Эвокативность как свойство и жанр имплицативной коммуникации / З. К. Беданкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. №4 – 168 с.
4. Беданкова З. К., Беданкова С. К. Эвокативность: о термине, понятии и принципе дополнительности / З. К. Беданкова, С. К. Беданкова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. №4
5. Белица, Т.И., Старостина, Е.В. Лингвокультурная специфика номинаций погодных явлений в языковой картине мира носителя говора / Т.И. Белица, Е.В. Старостина // Вестник НГУ – 2012 – Том 12, № 9
6. Березович Е.Л. Ксеномотивация в восточнославянских обозначениях небесных светил и погодных явлений / Е.Л. Березович // Материалы и исследования по русской диалектологии. – 2008. – С. 329-347
7. Быковская, О.А. Русские и английские фразеологизмы с названиями природных явлений в аспекте семантической слитности / О.А. Быковская // Вестник БДУ – 2004 – №3 – С. 76-80
8. Ванкевич О.Г., Елынцева И.В., Кондратеня И.В., Кугейко Т.П., Лавринович Н.В., Масловская (Евсиевич) Н.П., Николаева О.М.,

- Чагайда Ю.Н., Юшкевич О.С. Избранные труды по сопоставительному исследованию лексико-семантических систем близкородственных языков / Ванкевич О.Г., Елынцева И.В., Кондратеня И.В., Кугейко Т.П., Лавринович Н.В., Масловская (Евсиевич) Н.П., Николаева О.М., Чагайда Ю.Н., Юшкевич О.С. – 2024 – 289 с.
9. Васильев, В.П. Концепт дождь и особенности его организации / В.П. Васильев // Мир человека и мир языка: коллективная монография / под ред. М.В. Пименова. – Вып. 2. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. – С. 184-229.
10. Васильев В.П., Васильева Э.В. Базовый концепт как элемент когнитивноидеографического областного словаря / В.П. Васильев, Э.В. Васильева // Слово: фольклорно–диалектологический альманах. — Благовещенск: АмГУ, 2007. – С. 17–34.
11. Васильев, В.П. Денотативный класс с опорным словом град как средство представления культурной информации / В.П. Васильев // Вестник НГУ. Вып. 2: Филология, 2009. – Т.8. – С. 29–33.
12. Васильев В.П. Языковое картирование концепта в традиционном лингвокультурном сообществе / В.П. Васильев // Вестник КемГУ – 2011 – №3 (47) – С. 169-174
13. Васильев, В.П., Васильева, Е.В. Образные реализации метеонимического концепта в диалектической речи / В.П. Васильев, Е.В. Васильева // Вестник КемГУ – 2012 – №4 – С. 99-104
14. Васильев В. П. Живые образы метеонима как лексического компонента диалектных высказываний об атмосферном явлении / В. П. Васильев // Научный диалог. 2014. №12
15. Васильева Г.М., Виноградова М.В., Чжан Ц. Вербальные коды культуры в лексике языка. Выпуск 2. Атмосферный код культуры в лексике языка (наименования атмосферных и погодных явлений) : учебный словарь / Г.М. Васильева, М.В. Виноградова, Ц. Чжан. —

- Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2020. — 95 с.
- 16.Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // М.: Индрик, 2005. – 1038 с.
- 17.Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). / В.В. Виноградов // М.: Высш. шк., 2001 – 719 с.
- 18.Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Слово и текст в диалоге культур: Юбилейный сборник. М.: 2000 – 312 с.
- 19.Гак В.Г. Введение во французскую филологию / В.Г. Гак // М., 2001. – 286 с
- 20.Данилова Л. В. Структура и содержание лексико-семантической группы «Погодные явления» в русском и английских языках // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2014. №12. – 6 с
- 21.Домбровская М.В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков) / М.В. Домбровская // Новосибирск, 2006. – 307 с.
- 22.Ешич М.Б. Язык как средство трансляции культуры /М.Б. Ешич // М.: Наука, 2000 – 311 с.
- 23.Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика, / Е.И. Зиновьев, Е.Е. Юрков // СПб: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009 – 291 с.
- 24.Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. –Воронеж, 2001. – С. 71–76.
- 25.Карелова М.А. Культурно-тематическое поле "Явления природы" в лингвокультурной ситуации 1941-1945 гг / М.А. Карелова // - Москва, 2015. -21 с

26. Коновалова, Н.И. Этносоциоллингвистика: Учебное пособие / Н.И. Коновалова // Екатеринбург – 2016 – 121 с.
27. Космаков А. М. Лексика сферы «Погода. Времена года» в лингвометодическом аспекте : магистерская диссертация / А. М. Космаков // Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Департамент "Филологический факультет", Кафедра русского языка для иностранных учащихся. — Екатеринбург, 2016. — 183 с
28. Кравцов, С.М. Фразеология и когнитивная лингвокультурология / С.М. Кравцов
29. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А Маслова // М.: Академия, 2001. – 208 с.
30. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова // Учебное пособие, М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
31. Моисеева С. А., Волошкина И.А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии / С.А. Моисеева, И.А. Волошкина // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. №321
32. Незнанов, М.С. Фразеологизмы с лексикой погодных явлений в русском и испанском языках: культурные нюансы и лингвистический анализ / М.С. Незнанов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2023 – №11-4
33. Перфильева Н.Ю. Специфика вербализации концепта "погода" средствами русского и английского языков / Н.Ю. Перфильева // - Курск, 2008.- 139 с
34. Петрова, Л.И. «Погода» сквозь призму лингвокультурологии / Л.И. Петрова // Вестник Псковского государственного университета – 2015 - № 1
35. Пропп, В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп // Москва – 1928 -152
36. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Дониная О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М.

- В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания, 2024, 2: 7–34.
37. Симонова Е.С. Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентами–гидрометеорами в английском и французском языках Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики / Е.С. Симонова // Ежегодник по материалам одиннадцатой международной студенческой научно–практической конференции. Екатеринбург, 2019. – С. 40–45.
38. Суравикина Е.В. Составные номинации погодных явлений и их образный потенциал / Е.В. Суравикина // Вестник ЧГУ. 2010. №4.
39. Фёдорова К.Л. Фразеологизмы с компонентами-метеонимами «Ветер/Wind», «Снег/Snow» в русском и английском / К.Л. Фёдорова // Вестник КГУ – 2011 – №3 – С. 39-41
40. Фёдорова К.Л. Фразеологизмы с компонентами-метеонимами «Дождь» / «Rain» в русском и английском языках / К.Л. Фёдорова// *lingua mobilis*. 2011. №6 (32) – 4 с.
41. Фёдорова К.Л. Особенности фразеологических единиц с компонентами-метеонимами «Лёд/Ice», «Гром/Thunder» / К.Л. Фёдорова // *Lingua mobilis* – 2012 – №4
42. Фёдорова К.Л. Предметные фразеологизмы с компонентами-метеонимами в русском языке / К.Л. Фёдорова // Вестник КГУ – 2013 – №4 – С. 109-111
43. Фёдорова, К.Л. Семантические особенности процессуальных фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке / К.Л. Фёдорова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета – 2013 – №5
44. Фёдорова, К.Л. Структурные фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке / К.Л. Фёдорова // Вестник Челябинского государственного университета – 2013 – № 35 – С. 123-126

- 45.Фёдорова К.Л. Вариативность фразеологизмов с компонентами-метеонимами в английском языке / К.Л. Фёдорова // Вестник Курганского государственного университета – 2016 – №1(40)
- 46.Шаклеин В.М., Карелова М.А., Микова С.С. Явления природы в русских художественных текстах 1941-1945 гг: монография / Шаклеин В.М., Карелова М.А., Микова С.С // Москва – 2019 – 176 с.
- 47.Шерина, Е.А Языковая метафора семантического поля «Погодные явления» в аспекте языковой картины мира / Е.А. Шерина // Филологические науки, фундаментальные исследования – 2013 – №4 – С. 752-756
- 48.Яньчунь Л. Антропоцентричность языка через призму фразеологизмов с компонентом-метеонимом в русском и китайском языках / Л. Яньчунь // Вестник ЧГПУ – 2011 – №12 – С. 296-308
- 49.Bogoyavlenskaya Yu., Meulleman M., Paykin K., Plotnikova M. Les emplois métaphoriques du nom PLUIE en français et de son équivalent russe : aspects linguistiques et cognitifs / Yu. Bogoyavlenskaya, M. Meulleman, K. Paykin, M. Plotnikova // Политическая лингвистика. – 2018. – № 4 (70). – С. 137–146.
- 50.Paykin K. Noms et verbes météorologiques : des matières aux événements. / K. Paykin // Université de Lille 3 – Français – 2003 – 259 с.

Словари:

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов // М.: Русские словари, 1994. - 499 с.
2. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева // - Москва, 2010 – 562 с.
3. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка. /А.Н. Тихонова // М. Рус.яз. - Медиа, 2007 – 334 с.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. /Д.Н. Ушакова // М.: Аделант, 2013. — 800 с.

5. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь / Н.Ю. Шведова // М.: "Азбуковник", 1998 – Том 3 – 713 с.
6. Mahtab A., Minnay D. Dictionnaire des expressions idiomatiques francaises / A. Mahtab, D. Minnay // – Le Livre de Poche, 1999 – 412 с.
7. Mel'çuk I. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain / I. Mel'çuk // – PUM, 1999 – 347 с.